

УДК [332.12+338.2+339.54+622.276.04](985)(045)

Региональное присутствие России в Арктике: геополитические и экономические тенденции

© **Козьменко** Сергей Юрьевич, доктор экономических наук, профессор, директор Северо-Западного научно-исследовательского центра морской политики Мурманского государственного технического университета. *Приоритетные темы исследований:* пространственная экономика, региональная экономика, геополитические и экономические факторы освоения регионального пространства, Арктическое региональное направление национальной морской политики, экономическое освоение Арктики, формирование систем морского хозяйства, теоретические исследования в области морской геополитики и экономи-

ки. Контактный телефон: +7-921-998-60-49. E-mail: fregat22@mail.ru.

Конфликт цивилизаций является основной характеристикой геополитической и геоэкономической конструкции современного мира. Мировой океан и морские ресурсы играют постоянно возрастающую роль и в экономической и политической жизни России, при этом в целом очевидна тенденция к расширению конфликтного пространства. Борьба за контроль над ресурсами, прежде всего углеводородными, постепенно переносится и в Арктику. Этим и обосновывается необходимость укрепления регионального присутствия России в Арктике.

Ключевые слова: морская и континентальная цивилизации, национальная морская политика, геополитическая конструкция современного мира, морские коммуникации.

Regional presence of Russia in the Arctic: the geopolitical and economic trends

© *Kozmenko* Sergey, director of the Northwest Research Center for Marine Policy of Murmansk State Technical University, doctor of economic sciences, professor. *Priority research topics:* spatial economics, regional economic dynamics, the geopolitical and economic factors of development of the regional space, Arctic regional direction of national maritime policy, the economic development of the Arctic, the formation of systems of Maritime Affairs, the theoretical study of the marine economy and geopolitics. Contact: Phone: +7-921-998-60-49. E-mail: fregat22@mail.ru.

Abstract

The conflict of civilisations is the basic characteristic of a geopolitical and geoeconomic design of the modern world. The World ocean and sea resources play constantly increasing role and in an economic and political life of Russia, thus the tendency to expansion of disputed space as a whole is obvious. Struggle for the control over resources, first of all hydrocarbonic, is gradually transferred and to Arctic regions. It also proves necessity of strengthening of regional presence of Russia for this region.

Key words: *marine and terrestrial civilization, National Maritime poly-ticks, the geopolitical structure of the modern world, marine communication.*

В основе геополитической конструкции современного мира лежит непреодолимое противоречие между двумя типами цивилизаций, предопределенными географическими категориями – морскими (талассократическими) и континентальными (теллурократическими). Существует также третья геополитическая составляющая – дисконтинуальный пояс, включающий прибрежные государства, ориентированные к одной из двух основных геополитических конструкций. При таком подходе цивилизационного противостояния центральными в геополитике являются концепции «Heartland'a» («сердцевинной земли») и «Sea Power» («морской мощи»), которые лежат в основе развития соответственно континентальных и морских цивилизаций. Основу талассократических цивилизаций составляет сбалансированная по функциональным направлениям морская деятельность, причем вся система национальных институтов настраивается так, чтобы эта деятельность являлась де-факто доминантой политического и социально-экономического развития. Для государств континентального типа морская деятельность является чем-то вспомогательным, то есть не доминантным. Такие государства, как правило, не имеют явно выраженных и доктринально закрепленных интересов в Мировом океане, национальные интересы на море этих государств ограничиваются в общем случае ближней или реже дальней морской зоной. Введение института исключительной экономической зоны (ИЭЗ) не внесло существенного оживления в развитие морской деятельности государств с континентальным типом развития, но эти акватории (включая континентальный шельф) стали зоной возникновения всеера региональных конфликтов и противостояния между морскими и континентальными цивилизациями. При решении глобальных геополитиче-

ских проблем непреложной истиной является тот факт, что противостояние цивилизаций является основой гармоничного устойчивого развития мироздания (согласно закону единства и борьбы противоположностей), что предполагает единство сосуществования этих цивилизаций (в какой-то степени взаимополагание и отрицание). Одна цивилизация не может существовать без другой (иначе разрушится существующая геополитическая конструкция, то есть общая упорядоченность развития), следовательно глобальный конфликт на уничтожение между ними не возможен. Это подтверждает опыт I и II Мировых войн: в мирное время Россия находится в состоянии перманентного конфликта с ведущими морскими державами (в частности, с США и Великобританией), а в военное время эти державы становятся нашими союзниками. Поэтому невозможность достижения глобального превосходства (концепция однополярного мира все чаще демонстрирует свою несостоятельность) предопределяет проведение политики согласования интересов на региональном (а не глобальном) уровне, то есть следует обеспечить региональное присутствие на море с сохранением элементов национального могущества.

Континентальность России зачастую находится *vis-à-vis* идеям океанической стратегии, поэтому нет внятного определения места и роли страны в морской деятельности. С одной стороны, «исторически Россия – ведущая морская держава, исходя из ее пространственных и геофизических особенностей, места и роли в глобальных и региональных международных отношениях. Она заслужила этот статус благодаря географическому положению с выходом в три океана и протяженности морских границ, а также огромному вкладу в изучение Мирового океана, в развитие морского судоходства, многим великим открытиям, сделанным известными русскими мореплавателями и путешественниками» [7], что не совсем верно, особенно в части свободного выхода в Мировой океан и развития морского судоходства; с другой стороны, Адмирал Флота Советского Союза С.Г. Горшков определяет наше государство как великую континентальную державу мира [1]. «Sea Power» и «Heartland» (или «евразийство» применительно к России) – понятия диаметрально противоположные как морская среда и континентальное ядро (или «Hinterland» – пространство внутреннее, то есть удаленное от побережья).

Действительно, идеологическое противоборство давно закончилось, а НАТО как бы без внешне видимых причин продолжает расширяться на восток: на самом деле геополитический атлас отрабатывает заложенные географические сигналы – противостояние цивилизаций, основой которого (по Г. Киссинджеру) является достижение превосходства именно в зонах дисконтинуального пояса (прибрежные региональные образования, ориентированные как «overseas», то есть «за море», так и вглубь континента) для того, чтобы соединить фрагменты последнего в единое целое с «Sea Power», обеспечив тем самым полный контроль над «Heartland'ом», то есть над российской Евразией. При этом следует «держат порох сухим». Тон и направленность деятельности НАТО свидетельствует о том, что альянс предупреждает о возобновлении холодной войны с Россией именно в Арктике, где тающие льды открывают все больше природных богатств. Поэтому в условиях расширения НАТО на восток соображения региональной безопасности («выдвинутых рубежей») продолжают оставаться актуальными.

ми. Отзвуки противостояния явно слышатся и в высказывании одного из руководителей Международной конференции НАТО (Великобритания, 13–15 октября 2010 г.) Пола Беркмана, главы Геополитической программы СЛО при Кембриджском университете. По мнению П. Беркмана, в нынешних политических условиях главный повод для беспокойства — это арсенал баллистических ракет, как российских, так и НАТО. «Стратегические снаряды и другие виды вооружений в районе Северного Ледовитого океана представляют не меньшую опасность для региона, чем во времена холодной войны, — заявил ученый. — Более того, холодная война никогда не заканчивалась для Арктики» [6], а нынешние экономические мотивы как отзвуки былого противостояния могут со временем стать весьма весомыми в условиях повышения рентабельности арктических месторождений из-за глобального потепления и таяния ледников, а также возможных колебаний экономической конъюнктуры. В таких условиях решающим становится повышение степени экономического обладания морем как фактора присутствия России в Арктике; это предполагает гарантированный свободный доступ к арктическому пространству и ресурсам, свободный выход в Мировой океан, то есть развитие ситуации, когда региональное присутствие обеспечивает национальное могущество на Арктическом направлении национальной морской политики как элемента глобального превосходства.

Основная мысль очевидна – интернационализация Арктики, в том числе и российской, при снижении (это к тому, что после неразберихи 90-х годов оперативный режим несения боевой службы подводными лодками, в том числе и ракетных подводных лодок стратегического назначения, в этом регионе полностью восстановлен) или даже ликвидации инвентаря ядерного сдерживания. То есть, следуя геополитической логике НАТО, если нет зоны конфликта, то эту зону надо придумать, отсюда и тезис о ракетах и опасности размещения в Арктике стратегических ядерных сил. При этом глава Европейского командования НАТО Дж. Ставридис подчеркнул, что «пока диспуты об Арктике проходили мирно, но глобальное потепление может в ближайшие годы существенно изменить ситуацию. Соклзн получить доступ к открывающимся ресурсам может сильно вырасти, в таких условиях страны должны приложить все усилия к тому, чтобы Арктика продолжала оставаться зоной международного сотрудничества. А не ухудшать политический климат своих взаимоотношений, что может вылиться в конкуренцию и даже военный конфликт» [11]. Напомним, что конкурентоспособность хозяйственных систем характеризует экономическую силу как государств, так и других субъектов (например, наднациональных корпораций), при этом экономическая сила составляет конкуренцию другой, неэкономической, например военной, что особенно важно для систем морского хозяйства, так как «экономические методы могут выступать в качестве силовых при решении различных вопросов международного взаимодействия» [10]. Этот тезис является аксиоматичным в геоэкономическом мировоззрении [4].

Мировой океан и морские ресурсы играют постоянно возрастающую роль и в экономической и политической жизни России, при этом «в целом очевидна тенденция к расширению в мире конфликтного пространства, и, что крайне опасно, его распространение на зону наших жизненно важных интересов» [8], – невероятный ранее и очевидный сегодня

конфликт цивилизаций является основной характеристикой геополитической и геоэкономической конструкции современного мира. Проведение самостоятельной морской деятельности в целях освоения Мирового океана, компромисс возникающего сотрудничества и закономерного соперничества при согласовании интересов в этом процессе составляют функциональную доминанту национальной политики ведущих морских держав. Расширению НАТО на восток противостоит традиционное и исторически оправданное движение России на юг и юго-запад. Северное направление не было актуальным до последнего времени в виду потенциальной невозможности (как считалось) геополитического и экономического освоения пространства Северного Ледовитого океана. Наблюдения 2008–2011 гг. позволяют сделать вывод о том, что страна вступила в стадию расширения своего влияния на пространстве СНГ (противостояние расширению НАТО в Южной Осетии и Абхазии, создание таможенного союза с Беларуссией и Казахстаном, улучшение отношений с Украиной – Харьковские соглашения 2010 г., по которым срок аренды Севастополя продлевается до 2042 года). России скорее всего не нужен реванш, но есть реальные национальные интересы, для защиты которых существуют политические и экономические методы, подкрепленные при необходимости военной и военно-морской мощью.

Основная проблема России – уменьшающееся население, что очень негативно сказывается на экономике страны, здесь же возникает проблема сохранения реального суверенитета над пространством России в условиях нарастающих тенденций «оставления земель за конечным малолюдством». Например, только на Дальнем Востоке должно проживать не 7–8 млн. чел, как сегодня, а минимум 50 млн. граждан России из числа народов бывшего СССР. Или – площадь Сибири составляет 13,1 млн. км², а население – 39 млн. чел. В соседнем континентальном Китае 9,6 млн. км² и 1,3 млрд. чел. Демографически (по плотности населения) величина давления Китая на Россию в этом регионе получается огромной (2,98 и 135,4), а локализовано вдоль Транссиба еще больше (3,7 и 192,4). Такая же ситуация может сложиться и в Арктике на континентальных российско-финляндских и морских российско-норвежских пространствах. То есть смыслом миграционной политики должно быть заселение пустующих территории, в том числе и Арктики нашими соотечественниками из стран СНГ. В этом состоит суть «Документа Лаврова» – активно содействовать переселению в Россию соотечественников из-за границы, стимулировать миграцию рабочей силы из стран СНГ и Балтии (в Прибалтике самая большая по ЕС безработица), способствовать созданию предприятий, связанных с рынками стран происхождения мигрантов. Так можно найти компромисс при согласовании интересов по линии «восток-запад» [3].

Однако в XXI веке становится очевидным, что в условиях современного развития военной техники Арктика не может оставаться непреодолимой естественной преградой для вероятного противника, и поставлена задача организации обороны побережья и «эффективной оккупации» Арктического региона. Геополитическая позиция России продолжает оставаться благоприятной в том смысле, что «ни одна из существующих ситуаций за пределами России не создает прямой военной угрозы ее безопасности» [2] и благодаря наличию географического фактора – относительно свободному выходу в Мировой океан через акваторию Арктических

морей. Все чаще приходит понимание того, «мир становится сегодня не проще, а сложнее и жёстче. Мы наблюдаем, как, прикрываясь высокими лозунгами свободы, открытого общества, подчас уничтожаются суверенитеты стран и целых регионов, как под громкую риторику о свободе торговли и инвестиций в самих развитых экономиках и странах усиливается политика протекционизма. Разворачивается и ожесточенная борьба за ресурсы. И во многих конфликтах, внешнеполитических акциях и дипломатических демаршах «пахнет» газом и нефтью» [9].

Реализация концепции «Sea power» – доминирование или глобальное превосходство на море – очевидна для морской державы, но не всегда применима для континентального государства: Россия никогда не сможет количественно сравниться с США по составу флота, а качественное преимущество возможно в отдельных эксклюзивных видах морских вооружений и военной техники и на отдельных региональных направлениях национальной морской политики. Это объясняется тем, что вектор континентальности в развитии России определяет необходимость содержать сухопутные войска, численно втрое превосходящие ВМФ и поглощающие более 50% военного бюджета. Очевидно, ВМФ не может быть основным видом вооруженных сил и является обеспечивающим элементом защиты страны с океанских направлений с определенным доминированием на региональном уровне. Отсюда следует простой и, казалось бы, очевидный вывод: если нельзя превзойти морскую державу по степени и качеству морской мощи, надо постараться превратить эту страну в союзники.

Одним из ключевых документов, регулирующих межгосударственные отношения в сфере морской деятельности, является Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. На 1 марта 2010 года Конвенцию подписали 183 и ратифицировали 159 стран и Европейский союз. Не ратифицировали Конвенцию США и Швейцария. Несмотря на универсальность и всеобъемлющий характер Конвенции, за рамками этого договора остается правовая оценка таких важнейших для установления морских границ в акватории Баренцева моря и Северного Ледовитого океанов документов, как Договор о Шпицбергене 1920 года и национальные законодательные акты Арктических государств, утверждающие секторальное деление арктического пространства¹, например предшествующие документы Российской империи (Указ Сената 1821 г. и Нота российского МИД 1916 г.), а также Постановление Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». Этим постановлением были закреплены права СССР на «все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова», расположенные между побережьем СССР и Северным полюсом в секторе от меридиана 32° 04' 35" в. д. (западная граница проходит от побережья России по восточной стороне Вайда-губы через триангуляционный знак на мысе Кекурском) до меридиана 168° 49' 30" з. д. Официального при-

¹ К Арктическим относятся восемь государств, территории которых пересекаются Северным полярным кругом, в том числе пять – Россия, Канада, Норвегия, США и Дания, включающая полярную территорию о. Гренландия, – имеющие непосредственный выход к побережью морей Северного Ледовитого океана и претендующие в большей или меньшей степени на выделение полярного сектора в качестве зоны национальной юрисдикции, а также Финляндия, Швеция и Исландия (омывается водами Гренландского моря), не выдвигающие исторических прав на арктические пространства.

знания этого факта со стороны других государств не последовало, однако не поступило и возражений по этому поводу.

Кроме того, совершенно очевидно, что ни Северный Ледовитый океан, ни Арктика не являются специальным объектом Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и вопрос правового регулирования в этом регионе специально не рассматривался и на III Конференции по морскому праву (1973–1982 гг.), поскольку правовой режим «секторального деления» сложился задолго до принятия Конвенции ООН 1982 г. на основе обычных норм общего международного права как признание исторических прав и практики делимитации пространства в соответствии с национальным законодательством Арктических государств, а распространение норм Конвенции ООН 1982 г. на Арктические пространства и земли, включая приполюсные районы, без учета исторических прав и особых обстоятельств Арктических государств является нарушением принципа достижения справедливого решения в вопросе согласования интересов². Конвенция ООН 1982 г. также утверждает «поиск справедливого решения» (equitable principles) основополагающим критерием разграничения морского пространства, что закреплено, в частности, в ст. 74 и 83 применительно к ИЭЗ и КШ соответственно [5]. Следовательно, список «особых обстоятельств» и исторических прав может быть расширен и должен включать не только географические характеристики конфликтного района, но и иные, в том числе экономические, политические и военно-стратегические обстоятельства. Поэтому позиция Норвегии об установлении морской границы с Россией по срединной линии между архипелагами Шпицберген, Земля Франца-Иосифа и Новая Земля не имеет явного однозначного правового подтверждения, хотя такой подход и был применен при разграничении морского пространства Северного моря в 60-х годах XX века, Варангер-фьорда (между Россией и Норвегией, 1958 г. с техническим подтверждением в 2007 г.) и акватории Баренцева моря в 2010 году (договор России с Норвегией ратифицирован в 2011 году).

В международной правовой практике известны три сложившихся факта подтверждения суверенитета любой страны на ту или иную территорию. Это приоритет открытия, факт эффективной оккупации³ и утверждение суверенитета фактом присоединения к международным конвенциями, конференциям и договорам, например Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. В отдельных случаях учитываются «исторические права» (то есть историческая связь данной территории с национальной) и «особые обстоятельства», свидетельствующие о невозможности функционирования без рассматриваемой территории.

² Следует подчеркнуть, что справедливость вовсе не означает равенства. Достижение справедливого решения признается сегодня самостоятельным, главенствующим, в том числе и над Женевским (1958 г.) конвенционным (делимитация границ на основе равноотстояния) принципом.

³ При определении факта эффективной оккупации учитывается не только понятие «заселение», то есть размещение постоянного населения на территории, но и просто использование сравнительно неширокой прибрежной полосы в научных и экономических целях (создание радиометеостанций, добычи сырья, организации баз различных промыслов). Кроме того, к категории эффективной оккупации стали относить даже регулярные и нерегулярные визиты судов стран-суверенов на полярные острова; это позволило сформулировать и закрепить понятие «района тяготения», то есть территории, на которые распространяется экономическая деятельность страны-суверена.

Следствием различных подходов к осуществлению делимитации в Баренцевом море образовался спорный район (см. схему [4]) между российской и норвежской линией. Первая является границей полярных владений России по секторальному принципу, вторая – срединной линией, то есть равноудаленной от архипелагов Шпицберген, Земля Франца Иосифа и Новая Земля. Площадь спорного района как раз и составляет 175 тыс. км².

Рисунок 1. Схема раздела Баренцева моря [4]
URL: http://nord-news.ru/main_topic/?mtopicid=282

Именно здесь, в районе свода Федьинского (13) располагается крупнейшее (до 10 трлн. м³) газоконденсатное месторождение, которое мощнее известного Штокмановского (3,8 трлн. м³). Учитывая достаточно ограниченные подтвержденные запасы газа (1,25 трлн. м³) и текущую обеспеченность в 12 лет, месторождения спорного района представляют для Норвегии безусловный не только геополитический, но и экономический интерес.

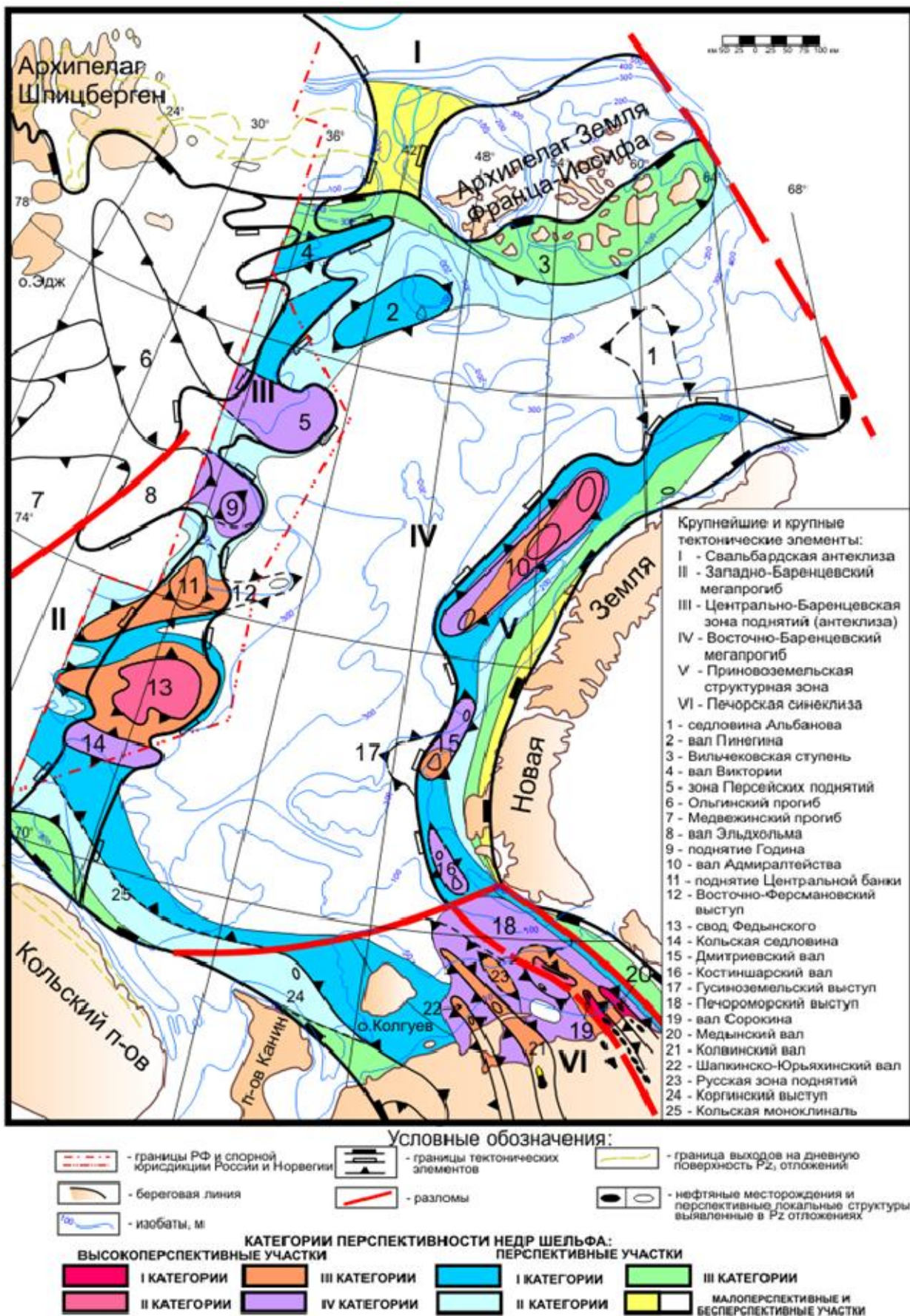
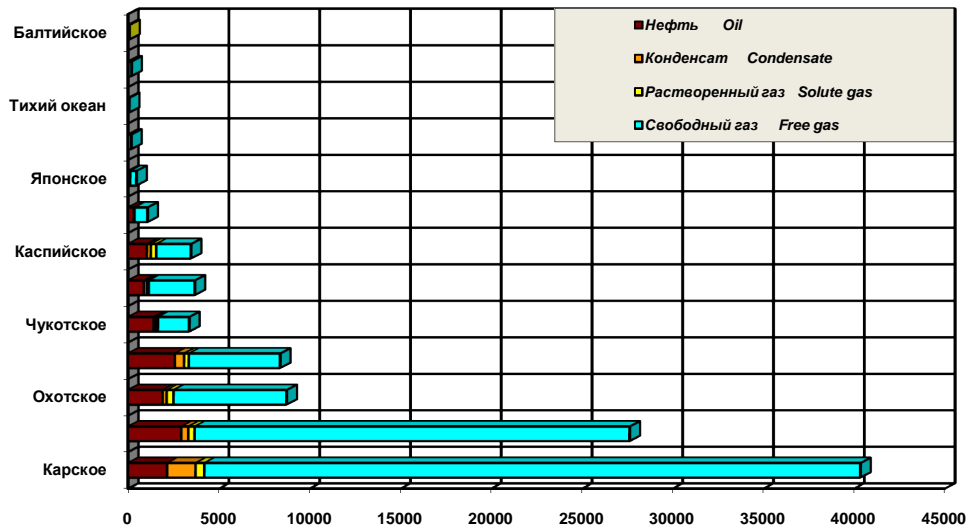

Рисунок 2. Размещение нефтегазоносных объектов в спорном районе.

URL: http://www.vniigaz.gazprom.ru/ru/education/diss_sovet/511.../fedorovsky.doc

Начальные суммарные извлекаемые ресурсы углеводородов морских акваторий России

Море, океан

URL: <http://www.itar-tass.com/g56/742.html>

Начальные суммарные ресурсы углеводородов, млн.т/млрд.м³

Что касается суши, то в настоящее время в арктических районах Западно-Сибирского НГБ основным объектом промышленной газоносности является сеноманская продуктивная толща с уникальными Уренгойским, Ямбургским, Медвежьим и Заполярным газовыми залежами, находящимися в разработке и являющимися основополагающими для ОАО «Газпром» и всей страны. Месторождения этого района были открыты в 60-х годах XX века и за прошедшие 30 лет эксплуатации накопленная добыча составляет порядка 11 трлн. м³. Несмотря на постепенное истощение основных месторождений – Медвежьего, Уренгойского, Ямбургского, в Надым-Пур-Тазовском районе, имеющем развитую инфраструктуру производства и транспортировки газа, текущие разведанные запасы составляют более 24 трлн. м³ (порядка 36% балансовых запасов РФ), локализованных в тринадцати основных НГК месторождениях, на которые приходится 31,5% балансовых запасов РФ (более 21 трлн. м³) с суммарной добычей (2009 г.) 372 млрд. м³. Безальтернативной ресурсной базой для развития газодобычи в России являются, наряду с известными месторождениями Надым-Пур-Тазовского района, разведанные запасы Ямала, которые в основном локализованы в трех соседствующих гигантских месторождениях – Харасавэйском, Крузенштерновском и Бованенковском.

Россия занимает восьмое место в мире по доказанным запасам нефти, но второе (после Саудовской Аравии) место по добыче и экспорту этого сырья. По доказанным запасам газа (44,4 трлн. м³) и экспорту (около 200 млрд. м³) Россия опережает все остальные страны, уступая в добыче (650 млрд. м³) только США (730 млрд. м³). При этом следует подчеркнуть, что практически вся добыча природного газа приходится на Западную Арктику. Запасы природного газа Западной Арктики (ABC1+C2) составляют 46,5 трлн. м³, в том числе Надым-Пур-Тазовский р-н – 22,1; Ямальская НГО – 9,4; Южно-Карская НГО – 5,2 (добычной потенциал

320 млрд. м³ в год); Баренцево-Карская НГП – 8,8; месторождения Ненецкого АО – 1,0 трлн. м³).

Следовательно, основой регионального присутствия России в Западной Арктике является разработка месторождений природного газа. Разработка этих месторождений имеет фундаментальное значение не только для экономического освоения регионального пространства, но и для обживания арктических территорий как фактора регионального присутствия России в Арктике. Поэтому новая газотранспортная система, которая будет обеспечивать транспортировку газа с арктических месторождений как в морском (суда сжиженного и компримированного природного газа), так и в сухопутном (по магистральным трубопроводам), становится не только ключевым звеном Единой газотранспортной системы России, но и коммуникативным фактором обеспечения территориальной целостности России и единства экономического пространства региона. Национальные интересы России в Арктике требуют формирования принципиально новой модели экономического освоения этого пространства, в которой понятие «зон тяготения» будет органично соединено с понятием «районов обживания» как следующий шаг за «эффективной оккупацией».

Литература

1. Горшков С.Г. Морская мощь государства. – М.: Воениздат, 1978. – С. 398.
2. Иванов С.Б. Вооруженные силы России и ее геополитические приоритеты // Россия в глобальной политике. – 2004. – № 1, т. 2. – С. 43.
3. Козьменко С.Ю., Щеголькова А.А. Геополитические основания регионального присутствия России в Арктике // Морской сборник. – 2010. – № 9.
4. Козьменко С.Ю., Щеголькова А.А. Морская политика и экономическое присутствие России в Арктике: отзвуки противостояния // Морской сборник. – 2010. – № 12.
5. Конвенция ООН по морскому праву, 1982 г. / Авраменко И.М. Международное морское право. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – С. 88–272.
6. Крючков И. НАТО предупреждает о возобновлении холодной войны в Арктике // URL: <http://www.gzt.ru> (дата обращения: 12.10.2010).
7. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года // Независимое военное обозрение. – 2001. – 3 августа.
8. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному собранию РФ // Российская газета. – 2006. – 10 мая.
9. Путин В.В. О стратегии развития России до 2020 года: Выступление на расширенном заседании Государственного Совета // Российская газета. – 2008. – 8 февраля.
10. Luttwak E. From Geopolitics to Geoeconomics. Logic of Conflict, Grammar of Commerce // The National Interest. Summer, 1990.
11. The Guardian, 2010, October, 11.

Рецензент: **Вертешин А.И.**,

доктор политических наук, профессор